

Борис Григорьевич ПЛОТНИКОВ

1-й лауреат премии «Московские премьеры», учрежденной Фондом им. К. С. Станиславского (подробности см. с.15)

Родился в г. Невьянке Свердловской области 1965—1969 учеба в Свердловском театральном училище, курс Ю.Е.Жигульского 1978 Государственная премия за роль Сотникова в фильме «Восхождение» 1993 получил звание Заслуженного артиста РФ

1969—1978 Свердловский ТЮЗ

Кот Базилио («Золотой ключик», дебют), Полицейский («Пети — длинный чулок»), Володя («Вечно живые»), Очень Странный Человек («Девочка, где ты живешь?»), Павка Корчагин/Николай Островский («Драматическая песнь»), Арамис, герцог Бэкингам («Три мушкетера»), Фердинанд («Коварство и любовь»), Коля Соловьев («Чудо в десятом»)

1978—1989 Московский театр Сатиры.

Будучи актером театра Сатиры, оканчивает заочно искусствоведческий факультет Уральского университета, защищает диплом «Художник В.Горьев. Книжная иллюстрация от Гоголя к Достоевскому». 1980 Ларинев («Феномены» Г.Горина) 1983 Глузов («Беиенные деньги») 1984 Петя Трофимов («Вишневый сад») 1985 Москвич («Роденькие мои» А.Смирнова) 1987 Бобырев («Тени» Н.Салтыкова—Щедрина)

С 1989 Театр Российской Армии

1989 Александр («Павел I» Д.Мережковского) 1991 Алексей («Игрок» Ф.Достоевского) 1991 Мышкин («Идиот») 1996 Дон Педро, принц Арагонский («Много шума из ничего»)

Театр А.Рыбникова

1993 Данилов («Литургия оглашенных»)

Фильмография:

«Восхождение» (реж. А.Шестыко, 1977), «Накануне премьеры» (реж. О.Гойда, 1981), «Дульсинея Тобосская» (реж. С.Дружинина, 1981), «Выражая единую волю» (реж. Д.Борисовский, 1982), «Две главы из семейной хроники» (реж. Д.Борисовский, 1983), «Дикая охота короля Стаха» (реж. В. Рубинчик, 1983), «Дублер начинает действовать» (реж. Э.Ясан, 1984), «Идиот» (реж. В.Туманов, ВГИК, 1984), «Жизнь Берлиоза» (реж. Ж.Требута и В.Сергеев, 1984), «Невероятное пари» (реж. В.Мотыль, 1985), «Сделка» (реж. М.Ведвишев, 1986), «Собачьё сердце» (реж. В.Бортко, 1988), «Отшельник» (реж. Б.Токарев, 1993).

Вот сюжет: Пьеса Алексея Богдановича «Месть Гольдони» появилась в «Табакерке» года три тому назад. Никак не меньше. Премьера спектакля «Прощайте... и рукоплещите!» (по этой пьесе Богдановича) состоялась зимой. Отчего-то Табакову хотелось, чтобы знаменитого итальянского драматурга Карло Гольдони в его спектакле сыграл Борис Плотников. А актер болел. Олег Павлович приехал к нему в больницу, уговорил, обещал ждать, пока тот выздоровеет. Слово свое сдержал. И Плотников, артист Театра Российской армии, сегодня в подвале у Табакова играет Гольдони, художника, время от времени уходящего от жены — в свои сны, в романтические приключения, на поиски вдохновения (не более того!), на поиски не женщины — музы.

То, что Плотников — хороший актер, было известно всегда. Но прошлой весной я увидел его принца Арагонского в спектакле Бориса Морозова «Много шума из ничего». В небольшой этой роли, не обновляя шекспировскую речь сегодняшней отсебятиной, не намекая ни на что и ни на кого, он играет суть любой — вчерашней и нынешней — власти, способной и повеселиться, и побалагурить. Но в каждую минуту его принц готов заняться государственными делами, и в этот миг невидимая заслонка словно отгородит его от собутыльников и приятелей по веселым пирушкам. Он не то, чтобы предаст своих друзей, — в эту секунду он просто перестает их замечать.

Не знаю, имел ли кого конкретно в виду артист, — лично мне приходилось наблюдать такую, к слову, совершенно физиологическую реакцию в исполнении Анатолия Чубайса: так это происходит с причастными власти, может, это вирус власти, может, ее счастливый дар. Плотников это играет, раскрываясь не просто как хороший или большой, но — как великий актер. И Табаков выиграл по-крупному, когда пригласил в свой спектакль Плотникова, найдя его среди множества московских артистов (тем более, что тот не успел «засветиться» среди многих, кто с готовностью пускается во все антрепризные приключения). Роль — действительно его. При том, что артист никого не «придавливает» в спектакле, не теснит своей игрой, — его инаковость подчеркнута деликатно и, скорее, внешними признаками — почти современным повседневным костюмом, слегка диссонирующей с этим костюмом прямой спиной (точно в противовес актерам театра Джипорама Мадебака — развеселым, пестрым, развязным, свободным в своих поступках и привязанностях — отвязанностях).

Лет пятнадцать тому назад, не будь рядом Иннокентия Смоктуновского и некоторых других, старших, Плотников был бы, конечно, суперпопулярен — своей нервной, изрефлексированной (читай: самоизматывающей) интеллигентностью, аристократической, то есть, почти болезненной бледностью лица, которая к лицу городскому жителю или замковому затворнику (конечно же, метафорического замка и аллегорического затворника — ведь в каждом тогдашнем кино- или театральном дворце грезились вполне отечественные тени), умными, много понимающими глазами. Он мучим какой-то страшной внутренней недоверчивостью к себе самому, но только внешнему. За этой бледностью, пронизательными глазами, негромким голосом так и выдалась тайная свобода. Этого было достаточно, чтобы в приличном обществе ему поверили и приняли за своего.

Ныне не в цене ни мыслящий герой, ни интеллектуальный актер. Реальный Гольдони не был романтическим персонажем театральной истории, его полные недоброежелательности мемуары говорят о том достаточно красноречиво. Но сегодня и сам Плотников — несовременный с головы до ног, с неуверенной, осторожной походкой (можно бы сказать, мыслящий пугливыми шагами) — смотрится романтиком. Как обречен быть и восприниматься романтиком (хорошо, если так, а не полным идиотом) любой интеллигентного вида герой, который занимается своими чтениями, разговорами, научными изысканиями, литературными штудиями и прочими безденежными делами.

Тригорий ЗАСЛАВСКИЙ